

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 60 (839)

30 октября 1939 г., понедельник

Цена 30 коп.

Великий революционер и мыслитель

Полвека прошло со дня смерти гениального русского революционера-демократа Николая Гавриловича Чернышевского.

В истории России Чернышевский сыграл выдающуюся роль. И не случайно Ленин обращался к произведениям и образу Чернышевского, когда оценивал бурную эпоху шестидесятых годов и борющиеся тогда политические группы, когда говорил о традициях боевого философского материализма в России.

Ленин называл Чернышевского «великим русским писателем», «величайшим представителем утопического социализма в России», «замечательно глубоким критиком капитализма».

Высоко ценил деятельность Чернышевского Маркс и Энгельс. Маркс называл Чернышевского «великим русским ученым и критиком».

В эпоху, когда жил и вел борьбу Чернышевский, во главе масс еще не было революционного рабочего класса. То был период буржуазно-демократического освободительного движения. Тогда-то беззаветно боролся за свободную, счастливую жизнь трудящихся Чернышевский. Он был крупнейшим русским мыслителем XIX века и одним из гениальнейших умов всей русской истории. Он оставил неслыханный след в разнообразных областях общественных наук и в литературе. Он не принадлежал к тем писателям, которые не выывают никаких чувств — ни гордой любви друзей, ни яркой ненависти врагов. Чернышевский был властелином дум всех прогрессивных сил современного ему общества.

Его роль в развитии философской мысли в России огромна. Он был последовательным борющимся материалистом. Его философские материалистические воззрения отвечали потребностям революционной борьбы, которую он вел с гениальной силой ума и воли, и способствовали построению мировоззрения революционной демократии. Он был великим русским просветителем.

Чернышевский резко критиковал капиталистическую систему частной собственности.

Чернышевский мечтал о взрыве крестьянской демократической революции в России. «От его сочинений», — писал Ленин, — «вет духом классовой борьбы».

Революционер и демократ, Чернышевский вел непримиримую борьбу во имя интересов и блага трудящихся. Он мужественно обличал буржуазно-крепостнический характер «крестьянской реформы 1861 года», выявлял нагую обманчивость крестьянских правительством и помещиками в результате этой реформы.

Чернышевский — центральная фигура эпохи шестидесятых годов. Какой бы факт общественного движения той эпохи ни брать, прямо или косвенно он связан с замечательной деятельностью Чернышевского.

Исключительно велика роль Чернышевского в развитии эстетической и литературной мысли в России. Он первый поднял в области искусства материалистические принципы, провозгласив свое знаменитое: «Прекрасное есть жизнь». Он высмеивал пресловутую идеалистическую теорию «искусства для искусства», борясь за искусство и литературу, которые служили бы на благо развития общества, его переустройства на социалистических началах. Он боролся за теснейшую связь литературы с жизнью, за подлинно народную литературу.

Чернышевский гордился именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя и вместе с Добролюбовым был провозвестником нового могучего поэта русской литературы в бескомпромиссном титаническом Салтыкове-Щедрине и Некрасова. Он боролся за передовую литературную критику, которая бы служила выражением литературных мнений передовых слоев общества. Критика самого

Чернышевского и явилась важнейшей силой борьбы за передовую литературу. Знаменитый роман Чернышевского «Что делать?» сыграл огромную роль в идейном воспитании русских революционеров.

В борьбе против Чернышевского — вождя передовой, революционной молодежи объединились тогда, в шестидесятых годах, все темные силы реакции — от пары и жандармского III отделения до промашных писак охранительной и либеральной печати. Чернышевского судили и осудили. Это была злодейская расправа паразита с властителям дум передовой молодежи, с революционером-демократом, мужественно возвысившим голос в защиту угнетенных и эксплуатируемых в собственническом обществе людей.

Великая социалистическая революция воскресила слабое, боевое имя Чернышевского.

Он близок и бесконечно дорог нашей социалистической эпохе как непоколебимый борец за свободу и счастье трудящихся.

Чернышевский вырос на почве всего лучшего, что рождала до него передовая русская мысль, на почве крупнейших достижений западноевропейской революционной и социалистической мысли домарксовской эпохи, на почве могучего порыва самих масс к свободе. Он был гуманистом, любил человека. Любвию к человеку горело его сердце революционера. «Альфа и омега наших стремлений» — всевозможный простор для развития личности — писал Чернышевский.

Сын своего народа, Чернышевский был действительным интернационалистом.

Указывая на обременительность войны для трудящихся, Чернышевский, однако, неизменно подчеркивал, что для них «полезна», та война, которая ведется для отражения врагов от пределов отечества».

Чернышевский глубоко верил в исторический прогресс. Неистребимым историческим оптимизмом веет от произведений Чернышевского, любящего говорить: «Будь, что будет, а будет на нашей улице праздник». Он знал и верил: праздник освобождения трудящихся, торжества социалистических идеалов наступит.

В остальных условиях русской жизни его эпохи Чернышевский не мог видеть, что в России социализм придет на смену капитализму, что только рабочий класс мощно возглавит социалистическую революцию, он идеализировал сельскую общину того времени, и в этом его утопизм.

«Социалистическое будущее», — говорил Чернышевский, — «светло, оно прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него».

Чернышевский предвещал счастье своего социалистического будущего своему народу и сквозь свиноподобную дуроту парского строя приветствовал его будущее.

Несгибаемый, кристально чистый революционер, он не пощадил самой жизни своей для торжества социализма.

Богатейшее литературное наследие Чернышевского стало достоянием всей братской семьи народов Советского Союза.

Чернышевский был великим русским патриотом. Любовь к родине была страстно одушевляющей всю его деятельность. Процессы писал он о русском народе: «Мы настолько сильны, что ни с запада, ни с юга или востока не может нахлынуть на Россию орда, которая поглотила бы нас... Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля делаться самим и устраивать свою жизнь все лучше и лучше».

Вся деятельность Чернышевского — изумительно яркий пример служения на благо и славу родины, которая в нашу эпоху победившего социализма высоко поднимает слабое, боевое имя Николая Гавриловича Чернышевского — гениального русского революционера-демократа, мыслителя, писателя, гордость русского народа.

ДЕКЛАРАЦИЯ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Принято единогласно на заседании 29 октября 1939 года

На протяжении многих лет народы Западной Белоруссии ограблены польскими помещиками и капиталистами. Национальное угнетение, доведенное до крайних пределов, безработица, голод и нужда были единственным уделом трудящихся города и деревни.

Польское государство было тюрьмой народов. Правительство проводило гнусную политику насильственного ополячивания. Белорусы, украинцы и другие народы не польской национальности были лишены права на развитие своей культуры и даже на родной язык. Национальные школы были разгромлены.

Таковы были порядки и условия жизни трудящихся Западной Белоруссии в бывшем польском государстве.

Народы великого Союза Советских Социалистических Республик протянули руку братской помощи и навсегда освободили трудящихся Западной Белоруссии из-под ярма политического, социального и национального гнета. Впервые народы Западной Белоруссии получили право распоряжаться своей судьбой.

Белорусское Народное (Национальное) Собрание, как единственный и полномочный представитель воли народов Западной Белоруссии, призвано решить вопрос о характере создаваемой на территории Западной Белоруссии государственной власти.

Решая вопрос о характере создаваемой власти, мы обращаемся к примеру великого Советского Союза. В годины тяжелых испытаний для жизни нашего народа только в лице Советской власти мы нашли своего освободителя, своего могучего и верного защитника. Великий исторический опыт народов Советского Союза учит нас тому, что только Советская власть — это действительно народная власть, где страной управляет сам народ без помещиков и капиталистов.

В Союзе Советских Социалистических Республик навсегда уничтожено наемное рабство, уничтожена эксплуатация человека человеком. За каждым трудящимся обеспечено право на труд, право на отдых, право на материальное обеспечение

в старости, право на образование. Забота о человеке является руководящим началом всей жизни.

Все трудящиеся страны Советов независимо от их расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образования, оседлости, имущественного положения имеют право избирать и быть избранными во все органы государственной власти. Женщины пользуются выборными правами наравне с мужчинами. В управлении государством принимают участие широчайшие народные массы.

В Союзе ССР уничтожены навсегда национальный гнет и неравенство. Все народы Советского Союза составляют единую дружную семью. Только в Советском Союзе с невиданной силой расцветла культура всех народов. Советский Союз не знает больше остальных национальностей.

Пример Советского Союза и горький опыт нашей жизни в польской Польше убеждают нас в том, что только Советская власть может избавить народы Западной Белоруссии от эксплуатации, нужды, голода и бесправия. Только Советская власть обеспечит нам политическое, хозяйственное и культурное процветание, обеспечит свободу национального развития всех народов Западной Белоруссии.

Белорусское Народное Собрание, выражая непрелюбную волю и желание народов Западной Белоруссии, провозглашает на всей территории Западной Белоруссии установление Советской власти. Отныне вся власть на территории Западной Белоруссии принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Белорусское Народное Собрание твердо уверено в том, что все население Западной Белоруссии сплотится вокруг Советов депутатов трудящихся для полной победы нового строя для обеспечения расцвета хозяйства, культуры и благосостояния народов Западной Белоруссии.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствуют Советы депутатов трудящихся!

Да здравствует Союз ССР — социалистическое отечество рабочих и крестьян!

ДЕКЛАРАЦИЯ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ О ВХОЖДЕНИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В СОСТАВ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Принято единогласно на заседании 29 октября 1939 года

В тяжелый час, грозивший разорением и истреблением нашему народу, великий Советский Союз взял под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Белоруссии.

С помощью непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии народы Западной Белоруссии освободились от господства помещиков и капиталистов. Навсегда миновали черные годы унижения белорусского народа под игмом польских панов, попиравших элементарные права и национальное достоинство белорусского народа.

Трудящиеся Западной Белоруссии всегда считали себя связанными неразрывными, кровными узами со своими братьями, построившими Советскую Социалистическую Республику.

Трудящиеся Западной Белоруссии решительно требуют воссоединения долгие расчлененных двух частей единого белорусского народа, единой белорусской земли.

Считая волю белорусского народа высшим законом, Белорусское Народное Собрание постановляет:

просить Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик и Верховный Совет Белорусской Советской

Социалистической Республики принять Западную Белоруссию в состав Советского Союза и Белорусской Советской Социалистической Республики, воссоединить белорусский народ в единое государство и положить тем самым конец разобщению белорусского народа.

Только в составе Белорусской Советской Социалистической Республики народ Западной Белоруссии сумеет залечить глубокие раны, нанесенные ему долгими годами порабощения, и с помощью великого Советского Союза поднять и преобразовать хозяйство, развить свою народную культуру, достойную свободного народа, и обеспечить расцвет благосостояния всех трудящихся Западной Белоруссии.

Да здравствует Белорусская Советская Социалистическая Республика!

Да здравствует наша могучая Родина — великий Союз Советских Социалистических Республик!

Неизвестные автографы А. П. Чехова

В фондах Главного архивного управления обнаружены многочисленные автографы А. П. Чехова — письма, записки, отрывки рассказов. Эти документы имеют большую ценность для изучения творческой лаборатории великого писателя.

Среди автографов найдено семь неопубликованных писем за 1897—98 годы. Часть их адресована издателю произведений писателя Суворину. Одно из писем было отправлено в Серпуховскую комиссию по переписи населения в 1897 году. Чехов, как известно, принимал в этой переписи активное участие.

Интересна неопубликованная рукопись отца писателя П. Е. Чехова, озаглавленная «Жизнь П. Ч.», в которой хронологически рассказывается о наиболее важных событиях в семье Чеховых. В рукописи содержится запись о рождении А. П. Чехова, его поездках за границу и на Сахалин, о построенных им на свой счет нескольких школ в Мелихове, под Москвой, где он жил.

Неизвестные автографы писателя и рукописи «Жизнь П. Ч.» будут опубликованы в журнале «Красный Архив».

Н. Г. Чернышевский.

ПАМЯТИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

На вечере в Колонном зале

28 октября в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского, организованное союзом советских писателей совместно с Академией наук СССР.

В президиум — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. А. Я. Вышинский, Ем. Ярославский, писатели А. Фадеев, А. Серафимович, А. Новиков-Прибой, Ф. Гладыш, академик О. Шмидт, В. Образцов, А. Деборин, И. Луппол, П. Мещанинов, Б. Греков и другие.

А. Серафимович открывает заседание кратким вступительным словом:

— Из всех тяжелых дорог, которыми шли в ту эпоху демократы-революционеры, на долю Николая Гавриловича Чернышевского выпала самая тяжелая, самая мучительная: это были беспамятные страдания, немуромые муки. Не думайте, что это были муки физического характера. Это были муки совершенно иного порядка. В нем, в Чернышевском, бурлили неоглядные силы — творчества революционного, творчества культурного, творчества художественного.

— В России нарастала горячая общественная и революционная борьба, — продолжает Серафимович, — Чернышевский сам дал громадный толчок этой борьбе. И каким же страстным борцом воевал бы он в эту битву классов.

В Чернышевском бурлил неиссякаемый родник перастраченных сил: он смотрел на художественное творчество, как на могучее орудие проникновения в сердца и души людей для переделки их, для борьбы за неохватно счастливую жизнь трудящихся.

Затем выступает с речью т. А. Фадеев. — В истории русской общественной мысли, — говорит т. Фадеев, — как суровый гранитный утес, высятся полная величия, цельности и простоты фигура великого просветителя, мужичного демократа-революционера Николая Гавриловича Чернышевского.

Чернышевский, человек энциклопедического образования, принял на свои плечи огромную историческую задачу — перестроить с новой, революционно-демократической точки зрения весь уклад общественной и частной жизни в России и всю господствующую идеологию. Политика внутренняя и внешняя, политическая экономика, история, социализм, аграрно-крестьянский вопрос, философия, литература и искусство, вопросы военной и женской — таков размах литературной деятельности Чернышевского.

Он был одним из первых социалистов в России, учеником великих утопистов, среди которых особое влияние на него оказал Фурье. В философии, усвоив все самое передовое и лучшее, что давала знающая классическая философия, учение Фейербаха, он был последовательным воинственным материалистом, бором с религией и всеми видами идеалистической пошлости.

Переходя к эстетическим взглядам Чернышевского, т. Фадеев говорит:

— Идея прекрасного, идея красоты, которая не осуществляется в действительности, в реальной жизни людей, эта идея осуществляется в произведениях искусства — таков, по Чернышевскому, взгляд идеализма на происхождение и место искусства. Чернышевский разоблачал такую идею, как учение о рае, который вознаградит человека за все его лишения на земле. По Чернышевскому, прекрасное, красота существуют в действительности, потребность человека. Искусство имеет еще и другую, высшую цель: «служить общественным воспроизводимым явлениям». Поэт сознательно или бессознательно производит свой «живой приговор о явлениях, интересующих его», искусство имеет еще и значение «приговора мысли» художника о воспроизводимых им явлениях.

Отсюда видно, что точка зрения Чернышевского, вопреки тому, что приписывали ему враги его, далека от вульгарного утилитаризма и не только не отрицала, а подчеркивала роль художественной индивидуальности (которая с нашей, марксистско-ленинской, точки зрения является выражением социальных классовых стремлений).

Взгляды Чернышевского и его последователей, — говорит в заключение А. Фадеев, — оказали огромное влияние на виднейших литераторов — деятелей национально-освободительного движения Украины, Грузии, Армении и других. В романе «Что делать?» Чернышевский с неистребимой страстной силой мечтал о социалистическом обществе. Эта мечта вдохновляла лучших русских людей и лучших людей всех народов в пределах старой России и за ее пределами. Эта мечта в слезе Чернышевского, где он жил и боролся, осуществлена народами Советского Союза, руководимыми гением Сталина. С большим докладом о жизни и деятельности Чернышевского выступил Ем. Ярославский.

После официальной части вечера состоялось большое концерт с участием лучших мастеров искусства Москвы,

НАУЧНАЯ СЕССИЯ

26 октября в помещении Московского клуба писателей состоялась научная сессия Института мировой литературы им. А. М. Горького, посвященная 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского.

Сессию открыл академик И. Луппол, отметивший в своем вступительном слове исключительное значение философских и эстетических работ Чернышевского.

Расмотрению философских взглядов Чернышевского был посвящен обстоятельный доклад члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Мещерякова — «Ленина и Н. Г. Чернышевского». Указывая о большом влиянии Фейербаха на Чернышевского, докладчик отметил, что последний не был просто его учеником, а пошел гораздо дальше его и глубоко переработал все его учение. Именно за это так высоко ценил и любил Чернышевского Ленин.

На утреннем заседании был заслушан также доклад Н. Бельчикова «Н. Г. Чернышевский - беллетрист». Чернышевский выступал как новатор во всех областях своей чрезвычайно разносторонней деятельности и в том числе и в художественном творчестве. Роман «Что делать?», по мнению докладчика, знаменавал становление нового стиля и нового жанра по-

литического романа, лучшие черты которого приближались к социалистическому реализму. Одной из основных задач художественного произведения Чернышевский считал воздействие его на общественную жизнь, на воспитание масс.

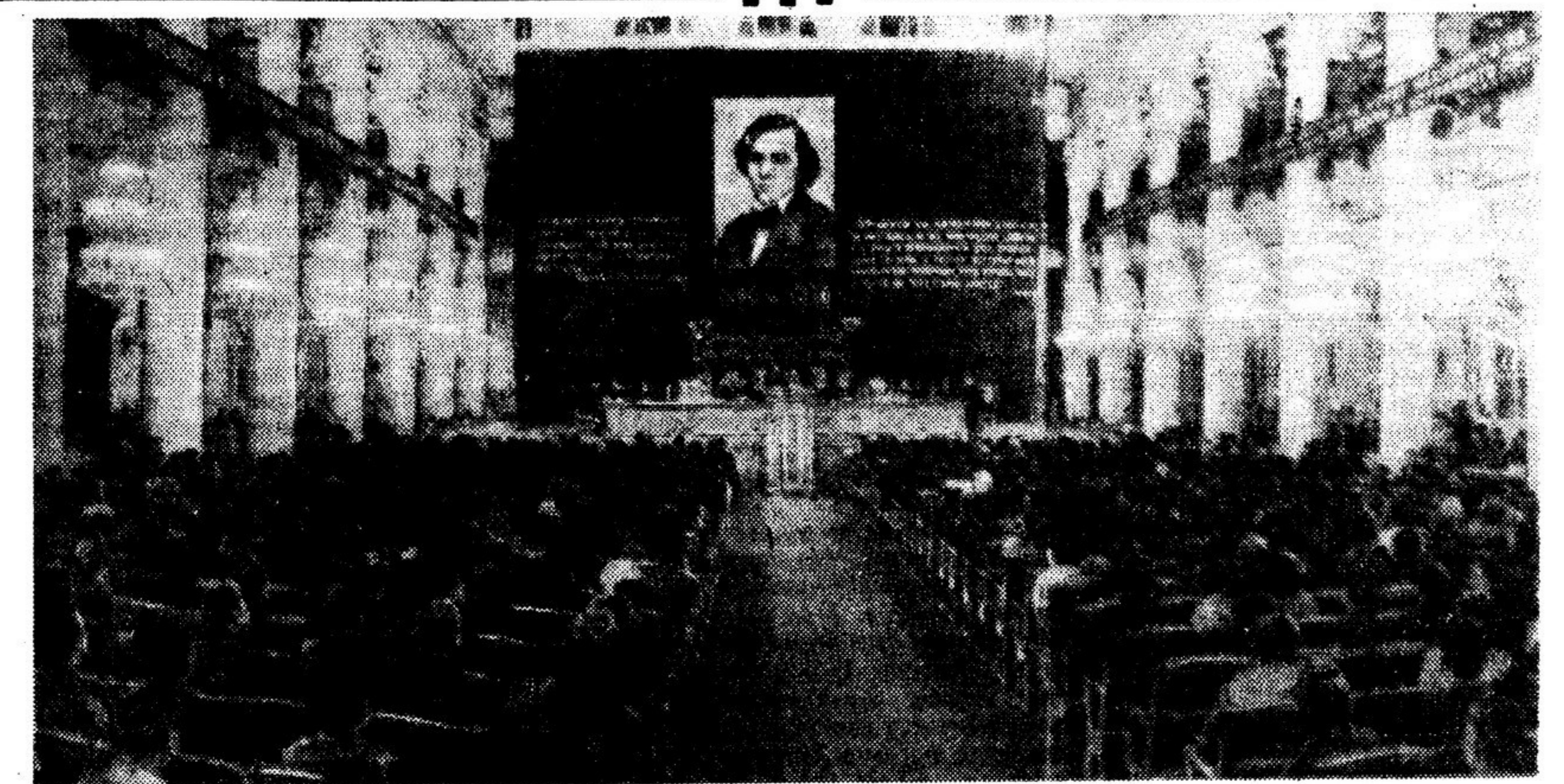
Вечернее заседание сессии началось докладом И. Новича об эстетических и литературных взглядах Чернышевского. В своем интересном и содержательном выступлении И. Нович рассказал об основных взглядах Чернышевского на искусство.

Работа сессии закончилась докладом В. Козьмина «Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника». Журнал, говорил докладчик, был дорог Чернышевскому как кафедра, с которой он воспитывал революционеров. Блестящий журналист, он провел огромную работу в редакции и выдержал жестокую борьбу с цензурой и о либерально настроенными сотрудниками «Современника» для того, чтобы превратить чисто литературный журнал в журнал общественно-политический. И конкураторы и либералы небезосновательно считали «Современник» илевым штабом революции. Осуждение Чернышевского сенатором главным образом было связано с его работой в «Современнике».

Оргкомитет писателей Львова

На собрании писателей Львова избран организационный комитет в составе: Петра Панча, Василия Павлова, Петра Кармаченко, Степана Чудова, Ярослава Цирюковского, Владислава Броневского, Ва-

зы Василевской, Галины Гурской, Бой-Жилонского, Александра Вага, Александра Лыпа и Лаврия Кенгитбергера. Председателем оргкомитета избран Петр Панч.

28 октября в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное заседание, посвященное пятидесятилетию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. На снимке: общий вид торжественного заседания.

(Фототипы ТАСС.)

Кругозор критика

Мемуаристы, которым приходится писать о детстве и юности Чернышевского, особо подчеркивают его лингвистические способности. Они утверждают, что, еще уча в семинарии, Чернышевский знал несколько новейших языков и кроме того — латинский, греческий и еврейский.

Пору Чернышевского принадлежат переводы с английского беллетристических произведений Бульвера, Диккенса, Бреггарта, ряда политико-экономических и исторических работ. Он перевел с французского «Исповедь» Руссо, мемуары Жорж-Занда, отрывки из автобиографии Беранже, биографию Вальзака, перевод с немецкого 11 томов истории Бебера, томы Шюссера, Герингуса, книгу по языковедению Шрадера и др.

Выбор «Исповеди» Руссо и автобиографии Беранже симптоматичен. Оба они принадлежали к числу любимых писателей Чернышевского. Он предавался чтению с жаром и страстью. В любых писателях он видел верных друзей и наставников. Он буквально боготворил их, называя спящего, за которых готов был отдать свою жизнь и честь. В его юношеских дневниках то и дело мелькают записки о чтении Гоголя, Лермонтова, Гете, Филлида, Диккенса, Сю, Жорж Занда, Беранже.

«Гомеи дает каждому то, что берущий захочет взять у него» — это изречение любил повторять Чернышевский. Он увлекается романами Сю, потому что в них (так кажется Чернышевскому) «заложена высокая, священная любовь к человечеству». Он делается горячим поклонником Жорж Занда и Гейне, считая их, как и Фурье и Фейербах, апостолами новой веры («мы дали тебе рай на земле»). Он зачитывается Диккенсом, этим адвокатом униженных и обездоленных, «паркетом лжи и лицемерия», «защитником низших классов против высших». Таков был характер чтения молодого Чернышевского. Уже здесь намечались та строгость выбора, та цельность отношения к литературным произведениям, которые так характерны для последующих критических статей и рецензий Чернышевского.

За третью года занятий литературной критикой Чернышевский писал о западноевропейской литературе сравнительно мало и резко. Объяснением стоит лишь его большая монография о Лессинге (напечатанная, как указывал сам Чернышевский в письме к Некрасову, «с приращением») к нашим домашним обстоятельствам». Кроме нее — статья о Теккере, статья о сборнике «Шиллер в переводе русских поэтов», ряд рецензий. Вот в сущности и все... Объясняется это, вероятно, тем, что «домашние обстоятельства», т. е. стремление разрешить в первую очередь задачи, стоявшие перед отечественной литературой, заставляли Чернышевского обращать главное внимание именно на ее развитие. Но в статьях, посвященных русской литературе, Чернышевский очень часто упоминает о западных писателях, сопоставляет их с русскими, показывает различие положения литературы на Западе и в России. По этим-то упоминаниям и по другим характеристикам европейских писателей, рассеянным в письмах Чернышевского, мы можем восстановить картину его отношений к ним.

В литературе XVIII века особое внимание Чернышевскому привлекли к себе две фигуры — Лессинг и Руссо. О первом из них Чернышевский написал в 1856 — 1857 гг. большую работу. О втором он должен был написать точно такую же монографию, но осуществлению подготовленного труда помешала смерть. Не случайно Лессинг и Руссо призывали к себе внимание русского просветителя 60-х гг. Недаром Энгельс называл самого Чернышевского, как и Добролюбова, социалистическими Лессингами. Дух протеста и борь-

бу, присущий творчеству немецкого драматурга и мучитель проповеди немецкого философа, был особенно близок Чернышевскому. Он видит в Лессинге идеал человека и борца. Более сложный и противоречивый характер Руссо Чернышевский анализирует в заметках о письмах Гоголя (1836). «И характер и самая судьба Гоголя представляли чрезвычайно много общего с характером и судьбой Руссо, этого нищего, оклеветанного, бежающего от родины и нежно, тоскливо любящего родину, подозрительного, неизмеримо и справедливо горю, чрезвычайно скрытного и не умеющего ничего скрыть, пренебрегающего всем и всеми, нуждающегося во всем, выпадающего во многое непростительное и пагубное для других вещи высокими по природе своей натуре и все-таки оставшегося честным в душе, невинным и наивным, и, при всей своей наивности, и хитрым и глубочайшего сердечности, загадочного для современников, очень понятного для потомства, гениального и благородного мизантропа, полного нежной любви к людям».

Сохранились обширные материалы для биографии Руссо, начатые Чернышевским в крепости. Но Чернышевский принужден был оборвать писание заметок для биографии Руссо ввиду ссылки в Сибирь.

Если мы вспомним об основных принципах эстетики Чернышевского, нам нетрудно будет понять, почему в новейшей литературе симпатии его были на стороне Байрона, а не Соути, Диккенса, а не Бульвера, Жорж Занда, а не Шато-бриана, Вальзака, а не Ламартина, Беранже, а не Дома. Чернышевский всегда и покуда боролся за идею напыщенное искусство. В «Эстетических отношениях искусства к действительности» он говорит: «Содержание... одно только в состоянии избавить искусство от упрека, будто бы оно — пустая забава...» Он считал, что первое условие художественности — соответствие формы с идеей. Верным методом критики было для него выяснение истинности идеи, лежащей в основании произведения. «Если идея фальшива», — говорит он, — то о художественности не может быть и речи, потому что форма будет также фальшива и исполнена несообразностей». Художественность — это вовсе не мелочная отделка подробностей, не погоня за эффектностью отдельных фраз и эпизодов, где искусство переходит в искусственность. Художественность — это гармония частей с духом целого.

Таковы вкратце основы эстетического кодекса Чернышевского. Он придавал огромное значение литературе, считая, что в известные исторические периоды она играет роль единственной силы, способствующей развитию самознания нации. Но такое высокое значение отводит только та литература, которая становится высшей ступенью стремлений века. Рассматривая с этой точки зрения западную литературу своего времени, Чернышевский писал: «У каждого века есть свое историческое дело, свои особые стремления. Жизнь и слава нашего времени составляют два стремления, связанные одно с другим, — гуманность и забота об улучшении человеческой жизни...» Может быть, такое определение в устах другого писателя показалось бы расплывчатым и туманным. Но Чернышевский не был человеком фразы. Поневолу прибегая порою к осторожным формулировкам, он терпеливо и настойчиво раскрывал затем путем хитроумных параллелей и намеков, что крылось за формулировками. И тогда становилось понятно, что, говоря об идеях гуманности, он говорит о социалистических идеях, а под улучшением человеческой жизни подразумевает революционное воплощение этих идей в жизнь.

В VI главе «Отвергов годолевского периода русской литературы» Чернышевский оштрафывает реакционных романтиков школы Жуковича и представляет так называемую «école satanique». Творчеству этих разочарованных, «просрелых эгоистов» буржуазных жеманов он прямо противопоставляет революционные песни Беранже, которого пытались обвинить певцом призраков. В статье о «Поэтике» Аристотеля, не называя Беранже по имени, Чернышевский говорит о нем, как об одном из серьезных и благороднейших поэтов своего времени.

Мы помним, что Чернышевский в студенческие годы зачитывался романами Занда. Вступивши в «Современник», он вскоре же перевел (с сокращениями) «Histoire de ma vie» Занда и опубликовал перевод в журнале. Краткое предисловие Чернышевского к переводу мемуаров ясно показывает, что и в юные и художественные промахи писательские не укрывались от его взгляда. Он говорит об изысканной мечтательности героев и героинь Занда, об излишней идеализации природы, людей и событий в ее романах. Но Чернышевский готов простить ей это и объясняет ее колорит экзальтацией, придающей ненужную «красивость» ее романам, за явно выраженное противоположное «господствующей мелочности, холодности и пошлостью бездушию».

В письме к сыну из ссылки в 1878 г. Чернышевский спрашивает: «Много ли ты читал в подлиннике, например, из французской беллетристики — романов Жорж Занда? Из английской — романов Диккенса? «Они устарели?» — Они устарели, когда явится кто-нибудь написанное таким же талантом, с таким же умом и с такой же честностью».

Сопоставляя великих западных и русских деятелей науки и литературы, Чернышевский много раз подчеркивал одно отличительное свойство русских писателей — их органическую любовь к своему отечеству. Западные писатели, говорит Чернышевский, большую часть космополиты. Они пренебрегают наукой или искусством без мысли о том, какую пользу приносят они именно своей родине. Шекспир... Гете... Корнель... «О художественных заслугах перед искусством, а не об особенных преимущественных стремлениях действовать во благо родины, напоминают их имена. У нас не те исторические заслуги каждого великого русского человека измеряются его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма».

Иллюстрация художника Клевера к роману Н. Чернышевского «Что делать?»

За правду в искусстве

10 мая 1855 года в Петербурге произошло событие, сильно возмущавшее критику, близкие к искусству и литературе. П. Г. Чернышевский защищал свою диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Она явилась вызовом господствовавшей дворянской эстетике, поразила всех своей новизной, была открытым заявлением нового, материалистического взгляда на важнейшие проблемы эстетической теории.

Накануне диспута министр просвещения А. С. Норов заметил П. Г. Устрялову: — Что вы надеетесь? Как могли вы пропустить диссертацию Чернышевского? Ведь это полное отрицание искусства изысканное! Помилуйте! Сикстинская мадонна и Фортинара — итальянка-натурщица. К чему же сводится искусство? Это позвонимо.

На замечание, что диспут уже назначен и завтра должен состояться, министр ответил: «Отменить! Остановить все это!» Но «отменить, остановить» новую материалистическую теорию искусства нельзя было. Она громко заявила о себе, была призвана сыграть роль собирателя сил революционной демократии в области литературы и искусства. Переловой молодежь диссертация была принята как манифест материалистического мировоззрения и в области философии, и специально в области искусства и литературы.

В пору блестящего расцвета своей деятельности Чернышевский указывал, что можно быть недовольным в литературе тем или другим, можно досадовать на нее, горько упрекать ее в недостатках, а все-таки, писал он, «большую часть лучших минут своей жизни каждый из нас обязан тем высоким наслаждениям, тем высоким чувствам, которые доставляла ему литература, все-таки литературная сторона нашей жизни — самая живая и самая светлая сторона ее».

Чернышевский не умел и не хотел, подобно большинству литературных критиков его времени, «примирять идеал с обстановкою». А это была излюбленная теория того лагеря литературной реакции. В противовес ей Чернышевский проводил свой принцип — борьбы с обстановкой, ее революционных изменений.

Он указывал, что писатель должен быть «органом желаний своего народа, его руководителем и защитником».

И в то же время, по мнению Чернышевского, литература сама в своем развитии зависит от жизни общества. Если оно

проникнуто живыми стремлениями, то «нет в мире силы, которая могла бы остановить развитие литературы».

История литературы для Чернышевского — не список прославившихся писателей, а раскраска о развитии литературных понятий народа, общества.

Чернышевский полагал, что жизнь народа, степень его развития определяют собой значение его литературы для человечества, если народ еще не достиг мирового общечеловеческого значения, то нет в нем и литературы, имеющей общечеловеческое достоинство. С этим очень высоким критерием подходил Чернышевский к русской литературе. В ней он находил общечеловеческое мировое достоинство и значение. Он видел в русской литературе отражение богатейших сил народа.

Глубокая, ничем непоколебимая вера в блестящее развитие русской литературы отличает литературные взгляды Чернышевского. Он указывал, что русский народ вправе гордиться своей литературой: «Она», — писал Чернышевский, — составляет мощную сторону нашей жизни».

В центре литературно-критической деятельности Чернышевского стоит его борьба за дальнейшее усиление «гоголевского направления», за обличение в художественной литературе феодально-крепостнической действительности, за художественное отражение освободительных стремлений народа, страшной тяжести его жизни в условиях крепостнического гнета и за изображение новых людей, революционно-разночинцев, призванных изменить действительность.

Чернышевский писал о желании видеть в литературе произведения, в которых слабее отразилось бы «мученье внутренней борьбы» и все властной являлся бы «новый дух» действия, являлись бы речи человека, становящегося во главе нового исторического движения. Он писал, указывая Чернышевский, смеялся Печориним, Печориным — Бельтовым и Рудиним, а время Рудинных прошло. Нужен в жизни и в литературе новый человек революционного действия. «Мы ждем», — писал Чернышевский, — такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может властвовать над жизнью и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями».

Чернышевский, чья мысль увлеклась в литературе людей революционного дела, резко критиковал «лишних людей», слабость их воли и характера, бездельность, трусость, рудинишу, остро ненавидимые революционером Чернышевским. Он считал, что в обществе уже народились силы, способные революционно бороться с несправедливой, гнетущей действительностью, изменить весь строй окружающей жизни.

Необходимость решительно изменить все условия жизни русского общества, в котором жила и которое знал Чернышевский, составляла главную основную идею его литературно-критической деятельности.

Чернышевский полагал, что внимание литературы к тем или иным явлениям должно соразмеряться со степенью важности этих явлений в народной жизни, и утверждал, что содержание, форма художественного произведения должны быть «совершенно пародичны».

Чернышевскому было чуждо ограниченное поле народности литературы исключительно или преимущественно национальной точки зрения.

Он считал, что литература должна писать правду о народе без всяких прикрас, и всемерно возражал против какой-либо

идеализации крестьянской жизни в многочисленных тогда «повестях и очерках из народного быта». Это тем более важно, что нередко литературные взгляды Чернышевского трактовались так, что он оказывалось чуть ли не идеологом специфически «народничества», а не народный в широком смысле слова литератор.

Чернышевскому важно было, чтобы литература показала невыносимо тяжелые, отрицательные, непривлекательные стороны крестьянского быта, показала, отчего крестьянская жизнь «идет дурно», и как ее изменить, как добиться ее исправления. Он требовал от литературы, изображающей крестьянский быт, мужественной и открытой правды. И призывал литературу стать ближе к народу, говоря правду о нем.

В жизни каждого человека, как бы тягостна ни шла она, бывают моменты «энергических усилий, отважных решений». То же самое встречается и в истории каждого народа.

Чернышевский явно намекал на революцию и необходимость ее совершения. Он мечтал о взрыве крестьянской демократической революции.

Чернышевский подводил читателя своих литературно-критических статей к идее революционного изменения действительности, выдвигая правду о ней как коренной критерий народной литературы.

Чернышевский заметил, что часто люди, особенно много толкующие о художественности, мало понимают ее. Он подчеркивал своеобразное поэтическое идиом, требующее художественного единства произведений. Поэтическая идея нарушается, указывал Чернышевский, когда в произведении вносятся элементы, ей чуждые. В поэзии важна естественность, простота: «лучший мед вытекает из сотов сам собой, а выжимание приносит пользу только на маслобойне», — писал Чернышевский, не раз заимывая свободу творчества поэта. Это утверждение может показаться странным, когда речь идет о литературной критике Чернышевского — «публицистическом критике», «утилитаристе» в эстетике. «Утилитарист» и «разрушитель эстетики» Чернышевский писал другому «утилитаристу» — Некрасову: «Свобода поэзии... в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа».

Свои литературные мнения Чернышевский высказывал и отстаивал в условиях острой идейно-политической борьбы. Ничто не было у него бесовашнее, как против Чернышевского рецензии: ни его роль в литературе, ни его роль в жизни и в литературе новый человек революционного действия. «Мы ждем», — писал Чернышевский, — такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может властвовать над жизнью и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями».

Замечательные слова, сказанные Чернышевским о критике Белинского, очень ярко характеризуют эту критику, должны быть поняты шире — как важнейший критерий оценки всей классической русской литературы, ее лучших достижений: «Любовь к ближнему была единственною добротой, которая руководила ею», — писал Чернышевский о критике Белинского, — каждый факт искусства ценна она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственности».

Эти вдохновенные слова очень точно характеризуют и литературно-критическую деятельность самого Чернышевского, деятельность, которой наша литература законно гордится.

И. ЛЕЖНЕВ

Рахметов

Самой яркой фигурой в романе «Что делать?» является революционер Рахметов. Веру Павловну, Лопухова и Кирсанова автор считает оплошавшими порядочными людьми нового поколения. Им противопоставляет он «высшую натуру» — Рахметова.

В чем же главное отличие «высших натур»?

«Рахметовы, — говорит Вера Павлова, — это другая порода; они сливаются с общим делом так, что оно для них необходимо, наполняющая их жизнь. А нам... недоступно это. Мы не орлы, как он. Нам необходима только личная жизнь».

Неизвестно в чем состояла политическая деятельность Рахметова: автор был лишен возможности рассказать нам об этом и обрисовал преимущественно идею своего героя, его высокий нравственный облик. Но нетрудно себе представить, что Рахметов занимается той «долгой агитацией» в народе, о которой писал Чернышевский.

О таких людях, как Рахметов, автор говорит: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — тень в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

С горячим вдохновенным поэтом, с пламенной страстью борца изобразил нам Чернышевский революционера-практика — Рахметова, показав его стальную волю, закаляющуюся в превращениях будущих битв и для этих битв.

Рахметов — молодой человек лет 22-х. Он принадлежит к старинному дворянскому роду. Его отец был богатым помещиком и оставил изрядное состояние.

был тогда студентом, ему шел 17-й год. Через некоторое время он оставил университет, поехал на родину, распорядился деньгами. Из ежегодного дохода в 3000 руб. он оставляет себе не более 400. На остальные деньги он содержит семь студентов в Базанском и Московском университетам. Устроив таким образом свои денежные дела, Рахметов начинает страстно работать. Мы узнаем, что он «скитается по России разными манерами: и сухим путем, и водною... и пешком, и на расшивках, и на косных лодах».

Рахметов — юноша богатейской силы. Он ведет самый суровый, аскетический образ жизни. «Я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщине». А натура была кипучая. «Зачем это? Такая крайность вовсе не нужна». — «Так нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, — мы должны своей жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, но для себя лично, а для человечества вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности».

Приведя этот рахметовский тезис, Писарев в своей статье «Мыслиющий пролетариат» опровергает его по существу и — надо сказать — довольно убедительно: «Эти рассуждения Рахметова, — говорит он, — в логическом отношении никуда не годятся... Людям мешают наслаждаться или собственные их прегрешения, или внешние обстоятельства. Чтобы победить прегрешения, надо действовать убеждением и примером, стало быть, для борьбы с прегрешениями личный аскетизм Рахметова может быть только вредным. Внешние же обстоятельства, очевидно, нет никакого дела до личных страстей и до принципов Рахметова: было бы наивно думать, что внешние обстоятельства принуждают уважаться к личному бескорыстному проповеднику и, убедившись в собственной несправедливости, стыдливо отойдут в сторону... Чем меньше силы такого человека могут быть приложены к внешней плодотворной деятельности, тем больше эти силы обращаются внутрь на самого

делателя, которого они тиранят без малейшей пользы и без всякой пользы. У делателя сердце обливаётся кровью оттого, что он почти ничего не может сделать для облегчения общих страданий, и он на самого себя изливает свое законное досаду. «А, говорит он себе, ты можешь им помочь, не можешь? так вот же тебе! Не помогаешь другим, так страдай же сам вместе с ними, страдай больше их!»... Причина одна, — потребность взнаться на себя грехи мира, бичевать и распинать себя за все людские глупости и подлости. Объяснить эту потребность я не умею, потому что ее испытывают и понимают только исключительные натуры».

Сильную сторону Рахметова Писарев не понял. Он не увидел в нем практика-революционера, «двигателя двигателей», человека, в котором общественные интересы безразлично преобладают над всеми личными, делом покрывают их. Здесь Писарев ограничивается лишь неопределенно похвальными фразами. Все свое внимание он сосредоточил на слабых сторонах рахметовского обоснования своего образа жизни. И хотя это только часть вопроса, причем отнюдь не самая важная, надо признать, что в этом частном пункте Писарев высказывает вполне резонные соображения.

Автобиографический роман Чернышевского «Пролог» показывает, что в личной жизни Волгина и Левичкова, этих двух крупнейших революционер-разночинцев, нет ни малейшего намека на аскетизм, — особенно его нет в жизни Левичкова, который по-юношески влюблен и отнюдь не налагает на себя монашеского обета.

Рахметов в этом кругу представляет собой единственное исключение. Но он представляет исключение и по социально-политическому признаку. В отличие от Чернышевского и Добролюбова, в отличие от Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова, он — дворянин. И естественно возникает вопрос: почему же автор, читавший и дворянству острую классовую ненависть, сделал лучшего своего героя — «высшую натуру» — именно дворянином? И второй вопрос: не был ли надменный ригоризм и пуританизм Рахметова следствием страданий большой бедности?

Пусть самонадеянное (лежащее на воле, утыканном гвоздями) объясняется желанием закалить волю, приготовить

себя к возможному впереди пыткам в полицейских застенках, но чем тогда объяснить столь суровое воздержание в пище, полный отказ от любви, от всех телесных радостей жизни? Аргументация самого Рахметова на этот счет как-то мало убедительна. Здесь должны были действовать дружные более сильные и более глубоко лежащие. Рахметов пытается объяснить свое поведение рациональными доводами. Но когда же оплошное и восторженное самобичевание бывало рационально? Напротив того, все, что мы знаем в истории о такого рода самобичевании, связано с религиозно-звоничным покаянием и испулением.

Чернышевский был слишком реалист, чтобы попросту выдумать столь страшные и оригинальные особенности своего героя. Он несомненно наблюдал их в окружающей его жизни, и столь же несомненно, что наблюдал среди революционеров, хотя и не в публичном кругу разночинцев, к которому сам принадлежал.

По вот интересное свидетельство современника 60-х годов, тогда еще молодого человека — Н. Михайловского. В своих «Литературных воспоминаниях» он пишет: «Кающиеся дворяне... заметным историческим фактом стали лишь в эпоху реформ, когда смешались с «разночинцами»... В семидесятых годах течение это лишь ярче и резче обозначилось».

Лучшие представители «кающихся дворян» в 70-х годах чрезвычайно остро чувствовали свою вину перед народом, порывали со своим классом, отказывались от помещичьей жизни, раздали свой земельный и деньги крестьянам, обращались к трудовой жизни разночинца, «шли в народ». Прелестней этих наиболее характерных признаков «кающегося дворянина» 70-х годов мы встречаем у Рахметова. Его оригинальная система взглядов на личную жизнь в большой мере проистекает из чувства вины перед народом. Он порвал со своим классом и со своей родиной, ликвидировал материальные отношения с помещиком, раздал свои деньги, полученные по наследству при ликвидации земельного надела, если не крестьянам, то студентам и ученым, много занимался физическим трудом, несколько лет «ходил в народ», но тем не менее не преклебался черты не пародика в позднейшем смысле этого слова а типичного представителя революционной демократии 60-х годов. Намечаются также черты будущего типа революционера-профессионала.

Эпоха 60-х годов, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразделимое целое (Ленин), неизбежно должна была породить переходный тип революционера. В нем присутствовали (в зародышевом состоянии) разные, часто взаимно противоположные черты деятелей последующих десятилетий. Признаки эти были еще слабы, волею, еще не отделены, не дифференцировались один от другого. В значительной мере это относится к самой идеологии Чернышевского и Добролюбова, относится это и к героям романа «Что делать?» и более всего — к Рахметову.

С этой точки зрения становится понятным, что идеолог «мыслящих реалистов» Писарев ухватился именно за Лопухова и Кирсанова, не оценив должным образом и не поняв Рахметова. Понятным становится и то, почему народники имели субъективно-психологическое основание претендовать на «наследство» 60-х годов, хотя объективно и притом в решающих вопросах, как это показал Ленин, они прямо противоречили лучшим традициям просветительства.

Суть «наследства 60-х годов» Ленин определял тремя чертами: горячая вражда к крепостному праву, горячая защита просвещения, отстаивание интересов народных масс. В идеологии Чернышевского — Рахметова, в реальном содержании его революционной борьбы главными и ведущими являются именно эти три черты, неуловимые революционные марксистом и никем иным.

По в мировоззрении Чернышевского были такие элементы идеализма, утопия, народничества. В образе Рахметова народ у главным и ведущим (революционер-практик) были элементы покаяния и «хождения в народ». Народники заимствовали у Чернышевского и у его героя Рахметова все их слабости и только слаботи. В этом — суть дела.

В обрисовке образа Рахметова обращает на себя внимание еще одна особенность: художественно-полемический характер авторского замысла. «Новые люди» Чернышевского явно противопоставил «лишним людям» дворянской литературы.

Лопухов и Кирсанов — это люди отважные, но колеблющиеся, не отстаивающие перед трудностями, люди, которые, раз

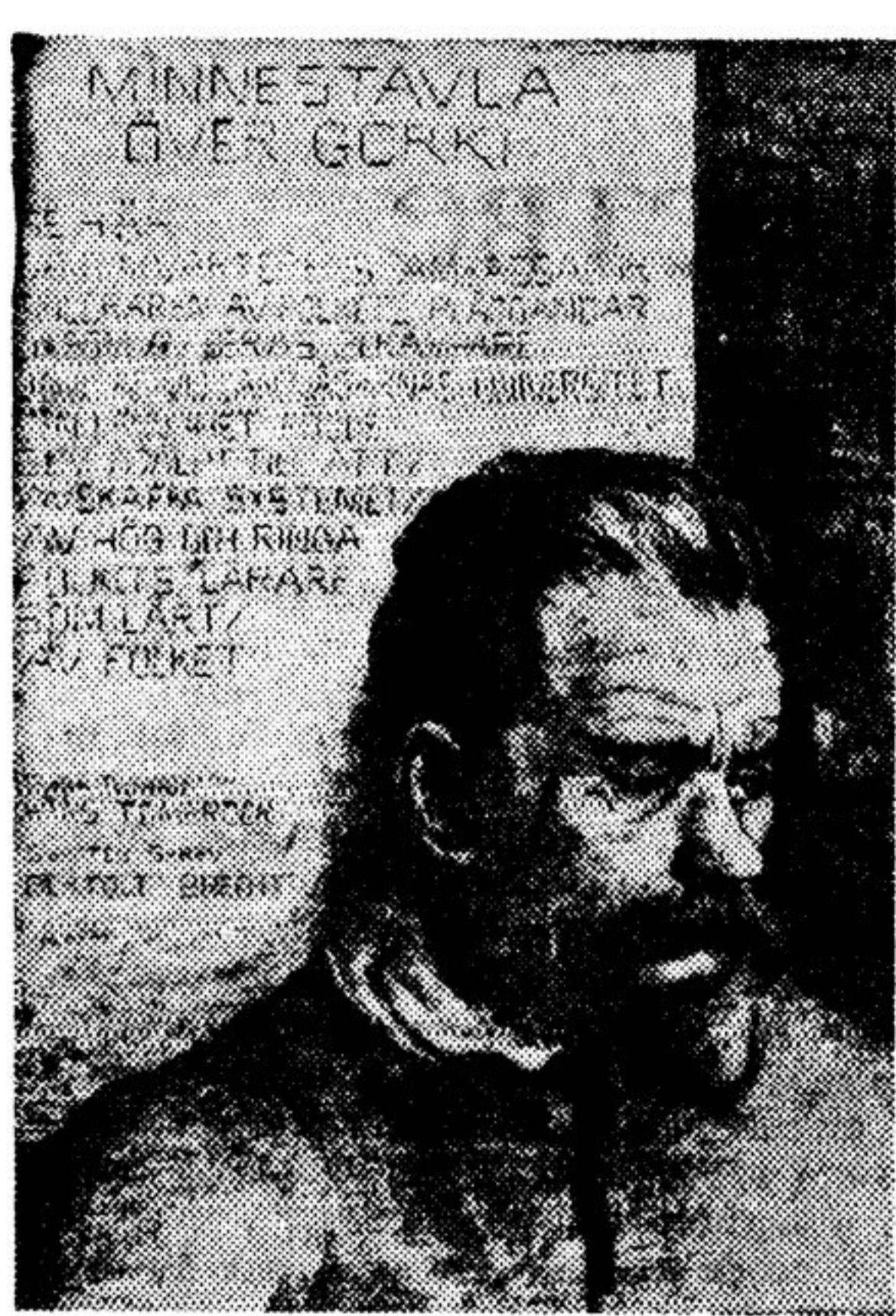
взявшись за дело, не выпускают его из рук. Но Кирсанов и Лопухов — разночинцы. Это другая социальная порода. Чернышевскому, полемизовавшему в своем романе с Тургеневым, показалось недостаточным противопоставить на три четверти клетнически выдуманному образу разночинца «нигилиста» Базарова реальный образ разночинцев Кирсанова и Лопухова. Чернышевский, повидимому, хотел, сверх того, противопоставить «лишним людям», дворянам — положительный тип дворянина же. Ему было важно показать, каким, собственно, и принадлежит быть дворянину, ежели он на словах так же распаивается за «бедный народ». Это еще один штрих в характеристике Рахметова.

Может быть, тут и кроется причина некоторых его оригинальных свойств и странностей, продиктованных ущемленной совестью дворянина. Может быть, одной из многих причин самого явления этого героя в романе были интересы полемики, продолжение давнейшей полемизации с буржуазно-дворянским либеральным крылом литературы, но уже новыми, художественными средствами.

Можно строить те или иные догадки. Но ни в коем случае не следует упускать из виду самого главного: Рахметов в нашей художественной литературе — первый образ революционера-практика, на котором воспитывался ряд поколений.

Беззаветная преданность Рахметова делу революции, полнейшее почтение своих личных интересов общественным, безразличная любовь к народу, совершенное мужество, закалка воли, готовность идти навстречу любым трудностям борьбы и даже прямым физическим пыткам во имя великого идеала, — все это составляет ядро образа, его напряженную мощь, его пафос.

Рахметов в своих главных чертах был и остается образом для подражания. И если роман Чернышевского в целом — «роман жизни», то в пределах этого романа образ Рахметова — учебник его держки, стойкости и революционной отваги.

Рисунки Гайсы Томброны «Памятник Горькому» с текстом Бертольда Брехта. После белых картонных обшиваний этих духов народа и их победителей, получивший образование в университетских больших дорогах, родеднейши в шесте, Содействований уничтожению системы великих и малых, Учитель народа, учащийся у народа, Рисунки впервые опубликованы в шведской газете.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДЕКАДНИК

В конце писателей начался после летнего перерыва поэтический декадник. Обсуждалось новое произведение Веры Инбер «Читая Овидия». Поэма состоит из пяти частей. После краткого лирического вступления следует биография Овидия, затем поэтическое переложение одной из его «Метаморфоз» — о Фебе и Фаэтоне. Здесь раскрывается замысел произведения. За этой частью следует глава «Воспоминания», которая переносит читателя в эпоху революции 1905 года.

Перед чтением поэмы переводчик Овидия — Шервинский прочел в своем переводе главу из «Метаморфоз», которую Вера Инбер использовала в своем новом произведении.

В обсуждении приняли участие гг. Н. Асеев, П. Антокольский, В. Асмус, Ф. Левин, А. Колпачев, С. Шервинский. Большинство выступавших рассматривает новое произведение Веры Инбер как очень интересную попытку создания поэмы, основанной на литературной реминисценции. Заключивший прения Н. Асеев видит в поэме осуществление связи советской поэзии с лучшими литературными традициями прошлого.

ПИСАТЕЛИ У КУРСАНТОВ

Длинные ряд кровати, аккуратно застланные серыми одеялами, окаймленными белой полосой поделешников. На тумбочках у кровати — книги, газеты. В конце широкого коридора, отделенного арками от спальни комнаты, два плотно составленных стола и на них — третий. Коридор переполнен молодыми людьми в красноармейской форме.

За столом А. Новиков-Прибой, К. Федин, П. Маркин, Н. Зарян. С импровизированной астры писатели беседуют о выпускниках курсантов МВО и читают свои произведения.

Слушают П. Маркина. Он приветствует будущих политруков Красной Армии и читает им свои новые стихи «Шляхта», «Западная Украина». И в заключение — неожиданно — рассказ «Отречение», трогательный рассказ об еврее-мукоморе, переселенце в Бибриджан.

Новый, неопубликованный еще рассказ «Рисунки с Ленино» читает К. Федин. Рассказ написан по воспоминаниям писателя о выступлении товарища Ленина во Дворце Урицкого в Ленинграде, где К. Федин присутствовал в качестве специального корреспондента.

Горячие аплодисменты встречают Нанри Заряна, читающего сперва на родном языке, потом по-русски свои стихи.

Настоящую овацию устраивают курсанты А. Новикову-Прибою, который на память читает свои новеллы-эпизоды из морской жизни.

АННА КАРАВАЕВА

На выставке армянского искусства

В опера армянского композитора Степана «Лусабациа» («На рассвете») есть один эпизод, с особенной силой и глубиной раскрывающий душу народа: это трагический танец старика, отца героини Аревик. Лютые враги армянского народа, озверевшие пьяные дашнаки заставляли старика плясать, приказывают ему изображать радость и веселье. Ужасом и возмущением встречают крестьяне этот вальсаватский приказ, ужасом — не только перед дашнаками, а также перед картиной поруганной радости. Ведь радость свята и свободна, она проявляет себя, летит из души солнечным потоком, если выплывает, рождается сама. Наилнее над радостью человеческой влечет за собой смерть старика, — так нестерпимо природе человеческой радости насилие и гнет.

О счастливой радости и влеховении освобожденного народа рассказывает нам образно и ярко открывшаяся в дни декады выставка армянского искусства и скульптуры. Прежде всего устремляемся к картинам Мартироса Сарьяна. Многие из нас в дни нашей зеленой весны знали Сарьяна по его живописи. В те армянские предельно радостные и в то же время трагические годы разобитности и тусклыми мертвыми тонами разобитности работы народов живописи красками Сарьяна пылали, как костер среди серой, выгоревшей степи упалочных безыieldных «искаян» и весьма плоских «озераний», о которых с дешевым пафосом вешали эстетствующие ретроградны. Сарьяновская живопись утверждала жизнь, радость, действительность, упорство. Когда более двадца-

В национальных комиссиях

Последнее заседание бюро национальных комиссий было посвящено организационным вопросам. Однако в речах всех выступавших товарищей творческие проблемы доминировали. И это симптоматично. Если в прошлом, как правильно заметил К. Зелинский, работа комиссий была слабо разделена и заключалась главным образом во взаимной информации и организационной помощи, то теперь в работе комиссий уже есть элементы серьезного научного подхода к национальным литературам. Во весь рост встали проблемы создания истории национальных литератур и широкой критической оценки многочисленных произведений писателей и сказителей братских республик.

— Мы должны, — сказал Ю. Либединский, — определить свое отношение, а в зависимости от этого и формы своей работы, к деятельности институтов языка и литературы. Есть много народностей, у которых творчество сказителей является основой личности их литературы. Занимаясь собиранием и научным освоением фольклора, институты, как правило, обезличивают сказителей. Мы не можем с этим мириться. Мы должны изучать индивидуальные особенности каждого сказителя, помогать ему творчески расти. Сказитель для нас не только источник фольклорных богатств, но в первую очередь — писатель.

Рассказывая о предполагаемых поездках писательских бригад в национальные республики, П. Скокырев считает, что наступило уже время глубже заглянуть в литературу малых народностей Северного Кавказа, Сибири, Средней Азии, цыган и айбор. Для этого следует на первое время создать четыре бригады, куда вошли бы писатели, поэты, критики и фольклористы.

Сейчас следует также организовать выезды писателей одной республики в другую. Эти выезды должны быть строго продуманы и хорошо подготовлены. Роль национальных комиссий колоссально возрастает. Они должны систематически подготавливать русское подстрочничество советской литературы для всех народностей нашей страны; они должны организовать для прессы каждой из республик взаимосоветительные статьи.

— Пора уже, — говорит в заключение П. Скокырев, — развернуть показывать творчество отдельных писателей братских народов. Для этого следует провести ряд литературных декадников и клубных дней. Уже намечены два декадника, на которых мы познакомимся с творчеством Лео Квачели и Эфеиди Капиева. Намечено также 7 клубных дней, посвященных творчеству писателей и сказителей Татарии, Адыгеи, Азербайджана, Таджикистана, Туркмени, Чувашии и писателей крымских татар.

СТИХИ-ПЕСНИ МАРИИ МИРОНЕЦ

Издательство «Художественная литература» выпустило сборник переводов украинской крестьянской поэтессы Марии Миронец.

«... Не узнал бы никто о поэтическом даровании этой украинской крестьянки... пишет автор предисловия к сборнику Д. Заславский, — если бы не чудесный расцвет колхозного села».

Мария Павловна Миронец сейчас 43 года, она живет в поселке при станции Клавдиивка. Первая книга ее стихов вышла на украинском языке в 1933 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР М. П. Миронец в марте этого года награждена орденом «Знак Почета».

Несобранные статьи А. М. Горького

Издательство «Художественная литература» подготавливает сборник статей А. М. Горького, не вошедших в полное собрание его сочинений и в ранее издававшийся сборник литературно-критических статей. Эти несобранные до сих пор статьи великого писателя, рассеянные по дореволюционным и советским изданиям, представляли большой интерес. — Здесь, — пишет составитель сборника С. Брейтбург, — представлены едва ли не все разделы литературоведения: теория литературы, фольклор, история русской классической литературы XIX века, литература XX века (Леопид Андреев, Валымонт Уржумев и др.), советская литература (Полячев, Принивия и многие другие), мировая литература едва ли не всех стран и периодов. С другой стороны, здесь нашли место чуть ли не все литературные жанры — проза, поэзия, драматургия, очерковая литература, публицистика и литературная критика.

В Академии наук СССР

25—26 октября в Москве состоялась очередная сессия отделения языка и литературы Академии наук СССР. На этой сессии была завершена работа на предыдущей, сентябрьской, сессии работа по составлению плана литературоведения и языковедения на 1940 год. Приводим отдельные наиболее интересные моменты сессии.

К ЮБИЛЕЮ НИЗАМИ

Предстоящее в 1941 г. празднование юбилей Низами нашло большое отражение в планах 1940 г., особенно по Институту востоковедения и азербайджанскому филиалу. Институт востоковедения взял на себя обязательство подготовить текст Низами.

Как сообщил проф. Е. Бертельс, из 58.000 строк поэм Низами переведено уже около 20.000. Можно ли будет по окончании работы поручиться, что мы дали подлинного Низами? Во всяком случае, мы восстанавливаем текст поэм Низами в варианте первой половины XIV века. Таким образом из всех существовавших до сих пор европейских изданий Низами будущее советское издание явится наиболее приближенным к подлиннику.

Азербайджанский филиал готовит к юбилею труды «Низами и фольклор», «Низами и азербайджанская литература». Проф. К. Дондуа (Институт языка и мышления) подготавливает перевод поэмы «Хосров и Ширин» и «Тажобы двух языков». Армянский филиал включил в свой план сборник исследовательских статей о Низами.

ПРОБЛЕМЫ ПОДСТРОЧНИКА

Отделение языка и литературы по предложению К. Зелинского поручило Институту языка и мышления присутствовать совместно с союзом писателей в подготовке сборника статей, посвященных проблемам создания точного научно-выверенного подстрочника (с языков народов СССР на русский язык). Сборник призван быть важным подспорьем в работе переводчиков всех литератур СССР. Эти вопросы отделение постановило также обсудить на одной из своих ближайших сессий.

Литературная группа писателей Восточной Сибири

ИРКУТСК (От наш. корр.). До самого последнего времени молодые поэты и писатели Восточной Сибири были лишены единого организующего центра, постоянного трибуны для своих печатных выступлений. Теперь это положение резко изменилось.

При редакции областной комсомольской газеты «Советская молодежь» создана литературная группа молодых писателей, поэтов и критиков.

Недавно состоялось первое организационное собрание, на котором обсуждались вопросы учебной и творческой работы начинающих авторов. Намечены цикл лекций на литературные и историко-философские темы. Для этого будут привлечены в качестве докладчиков местные писатели, фольклористы, научные работники Педагогического института.

На литературно-творческих занятиях будут обсуждаться произведения членов группы, материалы литературных страниц, выпускаемых раз в декаду. Сейчас в литературной группе насчитывается около 70 начинающих авторов. Число их растет за счет молодых писателей районных и областных центров, крупных колхозов и приисков.

Руководство группой осуществляется непосредственно бюро иркутского отделения союза советских писателей и редактором газеты, Литературная консультация поручена писателю И. Урмакову.

Ал. ГАЙДАЙ.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ГОРЬКИЙ

Значительную часть своего времени сессия уделяла работам, связанным с именем и наследием А. М. Горького. Длительное обсуждение вывал доклад академика И. Дупина о принципах издания полного собрания сочинений А. М. Горького.

Это собрание сочинений будет состоять из четырех серий: художественных произведений, литературно-критических и историко-литературных статей, политических и публицистических статей и писем. Внутри каждой серии материалы располагаются в хронологическом порядке. По предварительным расчетам, серия художественных произведений займет 25 томов, включая «Клима Самгина», т. е. приблизительно на 200 печатных листов больше, чем соответствующий раздел собрания сочинений писателя, изданного при его жизни. Сейчас насчитывается 40—50 листов неопубликованной художественной прозы Горького.

В обсуждении плана изданий приняли участие С. Балухатый, В. Десницкий, П. Лебедев-Полянский и др.

ГОРЬКИЙ И ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

Под таким заголовком Институт востоковедения готовит издание ряда сборников. О работе над сборником сделали сообщение академики А. Баранников, проф. С. Балухатый и С. Арешян.

Кроме того, сессия заслушала главу из статьи для этого сборника академика И. Крачковского «Горький и арабская литература», прочитанную автором.

Сессия признала, что труд, предпринятый Институтом востоковедения, имеет громадное политическое и культурное значение. Решено обратиться к союзу советских писателей и к филиалам Академии о просьбе оказать содействие этому изданию.

ХРОНИКА

Последний декадник секции драматургов (27 октября) был посвящен обсуждению новой пьесы — сказки Е. Тараховской «Волшебный виноград». Писательница пьеса очень понравилась. Они назвали, что она сценична, занимательна по сюжету, отличается хорошей драматургической выдумкой, остроумна и вместе с тем поэтична. Все выступавшие отметили, однако, что конец пьесы недоделан. Он примитивен и не дает логического разрешения ситуации. В обсуждении принимали участие И. Рахтанов, Я. Табц, В. Волыкештейн, Л. Льюбимова, Н. Сакопская, Г. Владычина, Н. Касаткина, И. Розанов, Р. Гинзбург и И. Чичеров.

27 октября в Военно-Политической академии имени Ленина состоялось литературное собрание, устроенный журналом «Знамя» и Оборонной комиссией ССР СССР. После вступительного слова А. Тарасова, кова о ближайших перспективах журнала выступили писатели и поэты.

С. Цицишев рассказал о своем пребывании в Западной Украине и читал новые свои стихи, посвященные последним событиям. Г. Фин читал рассказ «Борда», А. Игнатков — отрывки из своего воспоминаний, первую часть которых он печатает в детской книге журнала «Знамя». И. Аргунская прочла литературный монтаж из своей книги «Огненный путь». В. Финг рассказывал о французской армии периода мировой войны и в настоящее время. Поэты М. Алигер, М. Матушевский и Я. Смеляков читали свои стихи.

Представитель Военно-Политической академии имени Ленина т. Мамаев, председательствующий на собрании, и литературовец т. Голубков говорили в своих выступлениях о работе и задачах Оборонной комиссии и журнала «Знамя».

27 октября в Центральном клубе работников искусства состоялось широкое обсуждение выставки работ художника Р. Фалька.

В обсуждении приняли участие народный артист СССР Михозев, Герой Советского Союза тов. Юмашев, высказавшие ярко и образно свои впечатления и мысли о творчестве Р. Фалька.

Познавательное значение живописи Фалька, высокий уровень его мастерства отметили искусствоведы т. Аллатов, т. Дубинская, художники т. Чуйко, т. Ромашин и др.

Башкирский писатель Б. Виблаев закончил драму «Салават», начатую им совместно с покойным Г. Саламов. «Салават» показывает героическую борьбу башкирского народа с самодержавием в XVIII веке под руководством Салавата Юлаева. Пьеса читалась коллективу Башкирского академического театра драмы и принята к постановке. «Салават» будет поставлен в день 20-летия башкирского театра.

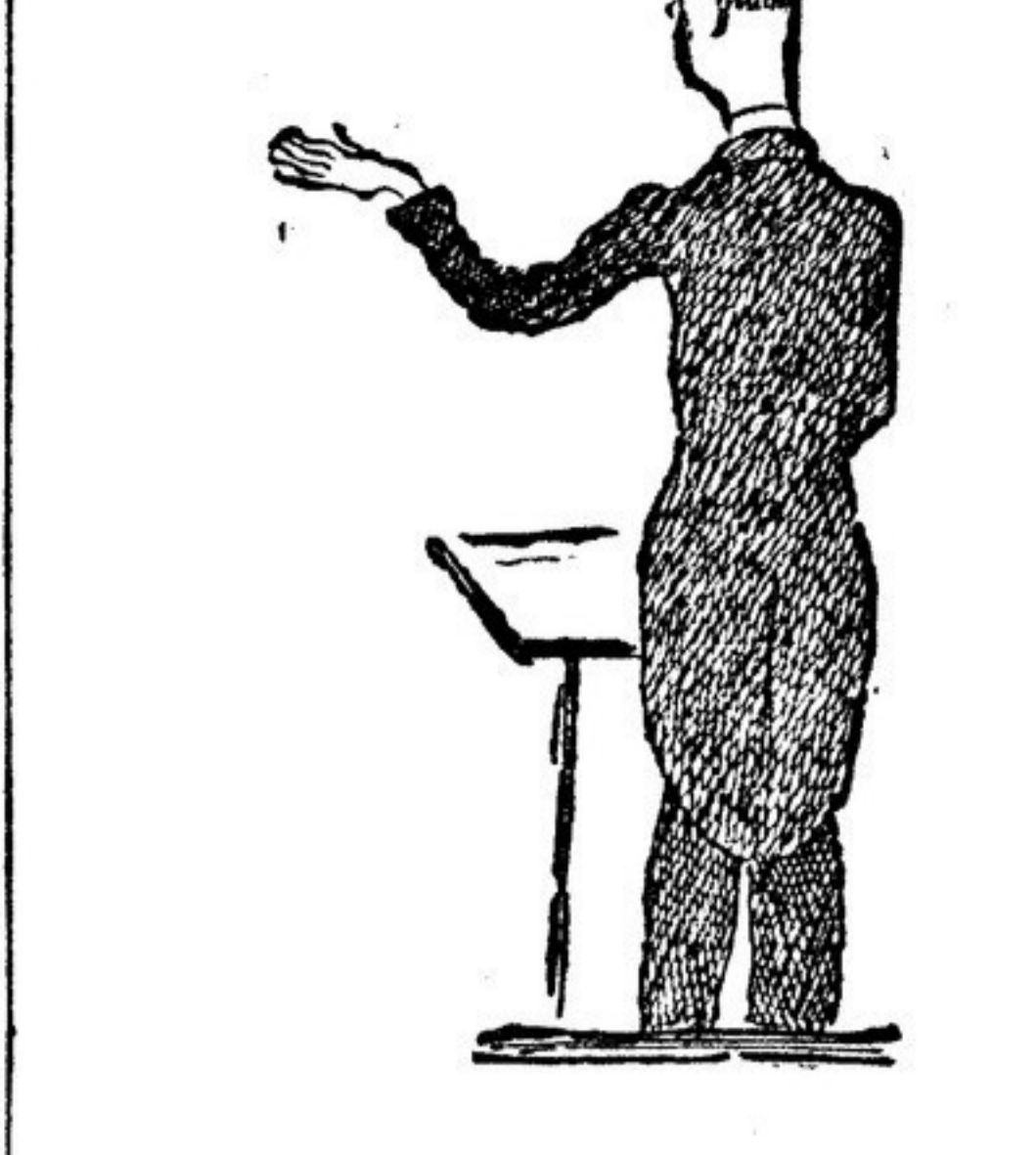
К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского чувашский писатель Алагер впервые перевел на чувашский язык отрывок из романа «Что делать?». «Чернышевский сон Веры Павловны». Отрывок будет помещен в октябрьском номере журнала «Сунтал» («Наковальня»).

В Московском клубе писателей состоялась творческая встреча народного певца Карацевской Автономной области Исмаила Семенова с группой московских поэтов.

Ю. Либединский в вступительном слове кратко охарактеризовал творчество И. Семенова как крупнейшего национального певца-импровизатора карацевского народа.

Затем И. Семенов исполнил несколько своих песен.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Композитор Сергей Прокофьев. Дружеский шарж Н. Радолова.

НОВЫЕ КНИГИ

В издательстве «Художественная литература» вышли из печати:

В. Бялик. «Эстетические взгляды Горького». Автор анализирует высказывания Горького об искусстве и характеризует их значение в развитии философско-эстетических идей марксизма-ленинизма.

Поль Вайян Кутюр. «Избранные». В одном томе избранных произведений Вайяна Кутюра: повести — поэтический, художественный проза и очерков о Шанхае, Испании и Советской России.

Александр Прокофьев. «Слава». Большинство стихов, помещенных в сборнике, датированы 1933—38 гг.

Николай Тихонов. «Избранные стихи». В сборник вошли избранные стихотворения поэта на темы гражданской войны и на восточные мотивы.

Свят-Нова. «Песни». Предисловие С. Артунована.

В сборнике помещены переводы из Свят-Нова В. Бросова, Ю. Верховского, К. Липскерова, М. Лозинского и С. Шервинского.

Чувашское государственное издательство выпустило на чувашском языке сборник рассказов Максима Горького, «Лейтбул» Гоголя, «Без вины виноваты» А. Островского. В ближайших днях выйдет из печати сборник стихов и поэм молодого чувашского поэта Усли.

Татгосиздат выпустил на татарском языке избранные стихотворения Некрасова в переводе Э. Брикеева, П. Байна, М. Джалили, Э. Исмаилов. В сборник вошли 50 стихотворений поэта, написанные им в разные годы.

Книгу редактировал Ш. Манур.

15 лет Театра сатиры

В декабре этого года исполняется 15-летие Московского театра сатиры. Театр отмечает свой юбилей тремя новыми постановками. В декабре будет показан первый юбилейный спектакль — новая пьеса В. Шкваркина «Страшный суд» в постановке заслуженного артиста РСФСР Н. Горчакова и в художественном оформлении заслуженного артиста РСФСР В. Рындина. В главных ролях — заслуженные артисты РСФСР: П. Польш, Р. Корф, Я. Волков, В. Милюткина. Кроме того, театр работает над пьесой Гольдони «Слуга двух господ» в постановке А. Лобанова. Художники — Ю. Фрадкина и С. Вишневецкая. В роли Труффальдино выступит заслуженный артист РСФСР Вл. Хенкин.

23 октября Театр сатиры показал первую новую постановку сезона — «Забывшие страницы», состоящую из трех одноактных комедий русской классики: Н. Лескова — «Маленькая ошибка» (постановка П. Поля), А. Чехова — «Свадьба» (постановка В. Л. Жданкина и М. Овчинникова), М. Горького — «Дети» (постановка Р. Корф и Ф. Липскерова).

ИЗВЕЩЕНИЕ

31 октября, в 8 ч. вечера, в Московском клубе писателей партком ССР организует лекцию проф. Гуревича на тему «Ленин и Сталин — организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции».

скульптура. Она представлена произведениями самых крупных мастеров: Саркисяна, Урагу и Степаяна.

Саркисян — мастер скульптурного портрета, очень собранного и выразительного. Его гипс и мрамор изумляют своей гибкой покорностью материала автору. Бюсты Спандарьяна, композитора Тиграняна и дирижера Мелик-Пашаева созданы строгой реалистической мерой, тонко и выискательно. Скульптор Урагу, создательница большого барельефа на тему эпоса «Давид Сасунский», которым можно пользоваться только на Ерванской выставке, выступила у нас в Москве с фрагментами памятника Ованес Туманян. Все это — железные портреты, полные романтической страстности, которые показывают кроме того, что Урагу с полнейшей глубиной разрабатывает в своем творчестве многообразие национального типа. И портрет Б. И. пропихнутый спокойной уверенностью и тонкой, умной насмешливостью, и образ Ануш, героини туманяновской поэмы, безмерно страдательной и любящей, и портрет пионерки-отличницы Марджак с ее широкими раскрытыми, жално-любовными глазами — все это образы армянских женщин, в которых национальное выражено в том богатом содержании, что дает ему наша великая сталинская эпоха.

Сурен Степаян, заслуженный деятель искусств, создатель очаровательного образа юной Довинар-Ханум, матери богатырей Санасара и Багдасара, безстрашной своей чистотой и любовью. Довинар Степаяна словно предчувствует свою величайшую и многострадальную судьбу: на ее милом прекрасном лице грусть и раздумье.

Она сышла наряд... и вот Подошла к ключу. И в ключ бесмертных сил она Погружает ладонь...

В помещении Музея нового западного искусства (Москва) открылась выставка армянского живописи, графики, скульптуры и архитектуры. На снимке: картина художника Саркисяна «Сражение под Багравандом».

лориту хорошему строителю Дюрагаса; человек, герой картин Сарьяна тридцатых годов нашего века, стал так же ярок, как и природа, которую он покоряет.

В соседнем зале, знакомая с живописью Ованатяна и Нерсисяна, видишь Армению 120—130 лет назад. Эти небольшие портреты, некоторые почти миниатюры, показывают высокое и благородное мастерство, которое с особенной любовью воплощало свое, национальное, которое так беспощадно попирали царскими саблями. Самый пленительный из этих образов старой Армении — портрет Е. Абовян кисти Нерсисяна 1820 г. Женщина лет шестидесяти, в старинном уборе, в темном шелковом платье смотрит на вас таким проникновенным и глубоким взглядом, полным ума, живости и бесконечной доброты. Краски портрета так мягки и свежи, что, кажется, писали еще совсем недавно.

Но наше современное, советское общество встало: от церемонно-грустных кавалеров и дам ованатяновских портретов с большим удовлетворением переходим к портрету артиста Р. Симонова работы народного художника Армении Сарьяна. Курьезная, набранный на его кресло, цветет, как весенний луг, и лицо освещено тем же солнцем, что и встреча в Дюрагаса. Глубоко волнует картину художника Галстяна «Сталин в Баку», хотя и первоначально написанная в «Хронике арестов и ссылки товарища Сталина» (И. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье») похулившего бледное лицо молодого Сталина выражает неукротимую революционную энергию и силу убеждения. Гораздо менее интересно изображена фигура Степана Шаумяна, который в этой группе сильно и глубоко чувствующих людей выдвигает как-то уж

слишком спокойно, почти статуарно. Картина Колдояна «Встреча Сталина со Спандарьяном» трогает своей простотой и суровой лиричностью. Свежее, суровое, серое северное небо и два человека в коротких пальто и ушаках в радостном порыве протягивают друг другу руки. Непобедима сила революции чувствуется в этой встрече, сила борцов, которых ничто на свете не сломит.

Армянские художники широко использовали творческий опыт русского и западноевропейского искусства. Очень разнообразны работы художника Татевосяна, ученика известного русского художника В. Поллонова. У Татевосяна в сильной степени развито чувство природы, ее неповторимых красок, так сказать, ее национальный черт. Пейзаж «Берег Ови» — это чисто русский, мягкий, спокойный пейзаж, а «Лугебургский сад» и «Селение Пульди» дышат уже иным, французским небом, парковой зеленью, пыльным ветром Парижа, светлым бокошеством капиталистической столицы. А взгляните в его картину «Лунная ночь у берегов Бейрута» — и вы почувствуете искрящее тепло сирийской ночи, серебристо-зеленые переливы волн, светящиеся красноватым глазом лампу маяка, показывающие корабля и морскую зыбь... Мягкие, овеянные серебристой прозрачностью горного воздуха пейзажи заслуженного деятеля искусств Гюрджана колористически прелестны, покоряют своей мечтательностью и нежностью. Тот же прекрасный колорит показывает картина Гюрджана, посвященная теме эпоса «Давид Сасунский», — богатыри получают от старика название крепости. Но любовь, этой картине по-настоящему не верный. Перед нами мощный феодальный замок, законченный архитектурный ком-

плек, зубцы башни, даже балконы. А между тем Санасар и Багдасар, как рассказывает нам эпос, — «Камни беамерные, беспримерные во-лодки».

Старик-крестьянин, давний название крепости, сначала «оглядел ее с четырех сторон, видит: взгромождены горы на горы». Вот этого могучего очарования первой стройки еще малоопытных в этом деле богатырей и недостает картине.

С богатой выставки «Давид Сасунский», которую мы видели в Ереване, к нам привезла только небольшая часть экспонатов, в том числе и картина художника Аракеляна «Бой Давида с Мера-меликом». Это также художник широкого диапазона, ритма и разнообразия. «Рыбная ловля на Селене», «Сбор пшары» и «Дворик в Ереване» — все это вещи разной тональности, у каждой своя ярко выраженная прелесть, которая сочетается с обдуманной строгостью и тонко выраженным чувством меры.

Очень хороша графика, большинство произведений которой посвящено великому эпосу армянского народа. Можно было бы много поговорить и о замечательных армянских миниатюрах, знакомых нам полностью по ереванской выставке; исключительно красивые старинные вышивки золотом и серебром, черь по серебру, лазурная эмаль, а о знаменитом ачмяданском евангелии из слововой юсти работы IV века с листами от времени пергаментами листьями можно было произнести целое исследование, так как это драгоценность искусства мирового значения, но приходится останавливаться все же на самом главном этой прекрасной выставке. В такой же степени, как и живопись, радует армянская современная